

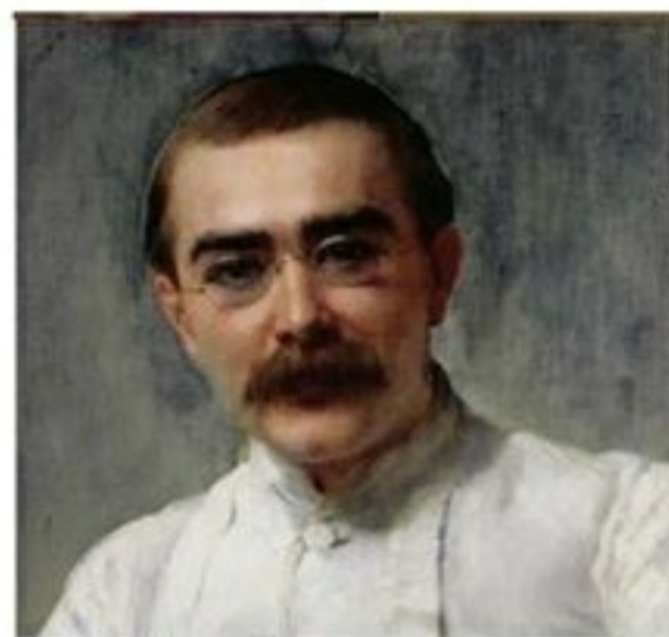
новые переводы классиков

Китс

Бёрнс

Киплинг

Байрон

ЛЮБИМЫЕ СТИХИ

перевод Николая Самойлова

Это должен прочитать каждый

12+

Джон Китс

Любимые стихи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Китс Д.

Любимые стихи / Д. Китс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99321-1

Мой перевод стихов четырёх английских поэтов. Эти стихи должен прочесть каждый. Надеюсь, почитатели, фанаты этих поэтов будут довольны. Они смогут сравнить мой перевод с английским оригиналом и переводами лучших русских поэтов. На сегодня это самые современные переводы. Байрон оказал огромное влияние, как на английскую, так и на русскую литературу. Его имя дало название целому поэтическому движению. Переводами его стихов занимались лучшие русские поэты. Сегодня некоторые переводы выглядят архаично, поэтому я сделал новые. Байрон был одним из тех редких людей, у кого слово не расходится с делом. Это он доказал своим творчеством и жизнью.

ISBN 978-5-532-99321-1

© Китс Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Роберт Бернс	5
Джон Ячменное зерно	6
Посвящение мыши	11
Красная роза	13
В горах моё сердце	15
Босая девушка	16
О девушке, которая стелила мне постель	17
О песне дрозда	20
Благоразумие	22
Поцелуй	23
Горю, горю	24
Джон Китс	25
О море	26
Женщине	28
Ода осени	32
К миру	35
Кузнечик и сверчок	37
Времена года и человека	39
Современная любовь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джон Китс, Редьярд Киплинг, Роберт Бернс, Джордж Байрон Любимые стихи

Роберт Бернс

(1759- 1796 гг.) Шотландский поэт. Родился в деревне Аллоуэй, близ города Эр в Шотландии, в бедной крестьянской семье. Писать стихи начал с 15 лет. Поэтическое творчество совмещал с работой на ферме, затем с должностью акцизного чиновника (с 1789 г.). Сатирические поэмы. «Два пастуха» и «Молитва святоши Вилли» распространялись в рукописи и укрепили за Бёрнсом репутацию вольнодумца. Первая книга «Стихотворения, написанные преимущественно на шотландском диалекте» сразу принесла поэту широкую известность.

Бёрнс подготовил к печати шотландские песни для эдинбургского издания «Шотландский музыкальный музей» и «Избранное собрание оригинальных шотландских мелодий».

На основе фольклора и старой шотландской литературы он создавал самобытную и современную по духу и содержанию поэзию.

Творчество Бёрнса («Честная бедность» и др.) утверждает личное достоинство человека, которое поэт ставит выше титулов и богатства. Стихи во славу труда, творчества, веселья, свободы, бескорыстной и самоотверженной любви и дружбы соседствуют в его поэзии с сатирой, юмор, нежность и задушевность – с иронией и сарказмом. Стихи Бёрнса переведены на многие языки мира. Бёрнс скончался 21 июля 1796 года в Дамфрисе. Ему было всего 37 лет.

Баллада Роберта Бернса “Джон Ячменное Зерно” – жемчужина мировой поэзии. На протяжении двухсот лет существования оригинала он несколько раз переводился на русский язык.

Джон Ячменное зерно

Торжественно, у трёх икон
Клялись быть заодно
Три короля, пока жив Джон
Ячменное Зерно.
Взяв плуг, над свежей бороздой,
Клялись забыть про сон,
Пока укрытый с головой
В земле не сгинет Джон.
В венке лучей пришла весна
И смыла снег с полей,
Встал Джон, очнувшись после сна,
Смущая королей.
Окреп за лето, в дождь и зной,
Так копьями зарос,
Что враг обходит стороной,
Бойтся сунуть нос.
Осенний день вступил в права,
Стал жёлт усатый Джон;
К земле склонилась голова,
Ветрами сгорблен он.
Румянец щёк бледнее стал,
Нет в теле прежних сил;
Враги ликут: – Час настал,
Кровь высосем из жил.
Лютую, острую косою
Лишили Джона ног,
Потом, связав в снопы, гурьбой
Свезли его в острог.
С восходом солнца, бросив в тень,
Дубасили цепом;
Едва живого целый день,
Терзали сквозняком.
Канаву тёмною водой,
Залив по самый край,
Кунали Джона с головой:
– Тони, иль выплывай.
Лишь выплыл, взяли в оборот,
Чтоб вновь и вновь страдал.
Когда бросали взад – вперёд,
Бедняга чуть дышал.
Потом, чтоб закрепить успех,
Сжигали до костей,
Но мельник был страшнее всех –
Растёр между камней.
Враги, испив из сердца кровь,
Жить стали веселей;

Чем больше пили, тем любовь
В груди цвела сильней.
Джон был герой, героев кровь
Содержит благодать.
Кто пьёт её, тот вновь и вновь
Таким же можешь стать.
Она начнёт бодрить и греть,
Даст радости прилив;
Заставит вдовье сердце петь,
Глаза слезой омыв.
Давайте выпьем, чтобы Джон
С удачею дружил,
Чтоб со своим потомством он
Шотландии был мил!
"John Barleycorn"

There was three kings unto the east, Three kings both great and high, And they hae sworn a solemn oath John Barleycorn should die.

They took a plough and plough'd him down, Put clods upon his head,
And they hae sworn a solemn oath John Barleycorn was dead.

But the cheerful Spring came kindly on, And show'rs began to fall;
John Barleycorn got up again, And sore surpris'd them all.

The sultry suns of Summer came, And he grew thick and strong;
His head weel arm'd wi' pointed spears, That no one should him wrong.

The sober Autumn enter'd mild, When he grew wan and pale;
His bending joints and drooping head Show'd he began to fail.

His colour sicken'd more and more He faded into age;
And then his enemies began To show their deadly rage.

They've taen a weapon, long and sharp, And cut him by the knee;
Then tied him fast upon a cart, Like a rogue for forgerie.

They laid him down upon his back, And cudgell'd him full sore;
They hung him up before the storm, And turn'd him o'er and o'er.
They filled up a darksome pit With water to the brim;
They heaved in John Barleycorn, There let him sink or swim.

They laid him out upon the floor, To work him further woe;
And still, as signs of life appear'd, They toss'd him to and fro.

They wasted, o'er a scorching flame, The marrow of his bones;
But a miller us'd him worst of all, For he crush'd him between two stones.

And they hae taen his very heart's blood, And drank it round and round;
And still the more and more they drank, Their joy did more abound.

John Barleycorn was a hero bold, Of noble enterprise;
For if you do but taste his blood, 'Twill make your courage rise.

'Twill make a man forget his woe; 'Twill heighten all his joy;
'Twill make the widow's heart to sing, Tho' the tear were in her eye.

Then let us toast John Barleycorn, Each man a glass in hand;
And may his great posterity Ne'er fail in old Scotland!

Подстрочник баллады.

Жили на востоке три короля,
Три короля великих и высоких,
И они поклялись торжественной клятвой,
Что Джон Ячменное Зерно должен умереть.

Они взяли плуг и вскопали им землю.
Засыпали комьями голову Джона
И поклялись торжественной клятвой,
Что Джон Ячменное Зерно должен умереть.

Но пришла добрая веселая Весна,
И начала убывать вода;
Джон Ячменное Зерно снова воспрял,
И это было им очень удивительно.

Пришли знойные солнечные дни,
И он рос крепким и сильным,
Голова его вооружалась остроконечными копьями,
И не было никого, кто посмел бы его обидеть.

А когда мягко ступила трезвая осень,
Он поднялся изнуренный и бледный;
Его изогнутые сочленения и поникшая голова
Показывали, что он начал слабеть.

Румянец его увядал все больше и больше;
Он старел;
И тогда его недруги снова Впали в ярость.
Джон подкошен
Они взяли оружие длинное и острое и полоснули Джона по колену;
Затем они быстро положили его на повозку
Подобно злодею, совершившему подлог.

Они опрокинули его на спину
И колотили дубиной:
Они подвесили его на ветру
И крутили и крутили.

Они наполнили темную яму

Водою до краев,
Они погрузили в нее Джона Ячменное Зерно:
Тони или выплывай.

Они швырнули его на землю,
Чтобы причинить ему дальнейшие страдания;
И до тех пор, пока он проявлял признаки жизни,
Они бросали его взад и вперед.

Они высушили над обжигающим огнем
Его костный мозг,
А мельник обошелся с ним хуже всех.
Он раздавил его между двух камней.

И они взяли кровь его сердца
И пили ее по кругу;
И чем больше и больше они пили,
Тем большая радость охватывала их.

Джон Ячменное Зерно был смелым героем
Благородного предприятия.
Если вы сделаете все так, как сказано,
вы отведаете его кровь.
Это придаст вам храбрости.

Это заставит человека забыть горе;
Это вызовет в нем прилив радости:
От этого запоеет сердце вдовы,
Хотя слезы были на ее глазах.

Так давайте выпьем за Джона Ячменное Зерно,
Каждый человек – кружку в руку;
И пусть великое потомство Джона
Никогда не потерпит неудачу в старой Шотландии.

1 Вариант

Торжественно, у трёх икон
Клялись быть заодно
Три короля, пока жив Джон
Ячменное Зерно.
Взяв плуг, над свежей бороздой,
Клялись забыть про сон,
Пока, укрытый с головой,
В земле не сгинет Джон!
Пришла весёлая весна,
Ушла вода с полей,
Воспрянул Джон, как после сна,
Став выше и сильнее.
Под солнцем креп, и с головой
Так копытами зарос,

Что враг обходит стороной,
Боится сунуть нос.
Когда сентябрь вступил в права
Стал жёлт усатый Джон,
К земле склонилась голова,
Ветрами сгорблен он.
Румянец щёк бледнее стал,
Нет в теле прежних сил;
Враги ликуют: – Час настал,
Кровь высосем из жил.
Лютую, острою косою,
Лишили Джона ног,
Потом, связав его гурьбой,
Свезли, как тать, в острог.
С восходом солнца, бросив в тень,
Дубасили цепом:
Едва живого, целый день,
Терзали сквозняком.
Канаву тёмною водой,
Залив по самый край,
Кунали Джона с головой:
Тони, иль выплывай.
Лишь выплыл, взяли в оборот:
И вновь, и вновь страдал;
Когда бросали взад – вперёд,
Бедняга чуть дышал.
Потом, подняв его на смех,
Сжигали до костей,
Но мельник был страшнее всех –
Растёр между камней.
Враги, испив из сердца кровь,
Жить стали веселей;
Чем больше пили, тем любовь
В груди цвела сильнее.
Джон был герой, героев кровь
Содержит благодать,
Её, отдавав вновь и вновь,
Таким же можешь стать.
Она начнёт бодрить и греть,
Даст радости прилив;
Заставит вдовье сердце петь,
Глаза слезой омыв.
Пей за Ячменное Зерно,
Пусть множится, растёт;
Всегда в Шотландии оно
Найдёт себе почёт!

Посвящение мыши

Проворный, маленький зверёк,
Ты диким страхом сжат в комок!
Не нужно так спешить, дружок,
Стремглав бежать прыжком!
Не брошусь вслед, не так жесток,
Чтоб бить тебя скребком.

Мне жаль, что, множась, род людской
Природе не даёт покой.
Не зря от страха сам не свой
Ты бросился в бега,
Меня, хоть я совсем не злой,
Считая за врага.

Не сомневаюсь, что крадёшь:
Как быть? Иначе пропадёшь!
Из колоска лишь часть берёшь,
На зиму про запас;
Оставшаяся в поле рожь
Мне будет в самый раз.

Твой тёплый дом пошёл на слом,
Остатки стен лежат кругом!
Нет мха построить новый дом,
О, как груба трава!
За стылым ветром и дождём
Зима войдёт в права.

Повсюду только голый луг,
Он ждёт гнетущих, зимних выюг.
В уюте проводить досуг
Мечтал ты под землёй,
Но лемехом жестокий плуг
Разрушил домик твой.

Лежит горсть листьев и стерни,
Тебе с трудом дались они,
Но сколько стужу ни кляни,
Коль дома нет – беда.
В мороз и снег – суровы дни,
Жестоки холода!

Но ты не одинока,мышь,
Гаданьем бед не избежишь;
Надеемся на гладь и тишь,
Но счастье не для всех.

Оставшись без всего, грустишь
Ты там, где ждал успех!

Нельзя меня сравнить с тобой,
Живёшь ты нынешней бедой,
А у меня и за спиной
Развалины и прах,
Грядущее закрыто мглой,
Но сердце гложет страх!

" Standard English Translation

Small, sleek, cowering, timorous beast, O, what a panic is in your breast!
You need not start away so hasty With hurrying scamper!
I would be loath to run and chase you, With murdering plough-staff.

I'm truly sorry man's dominion Has broken Nature's social union, And justifies that ill opinion
Which makes thee startle

At me, thy poor, earth born companion And fellow mortal!

I doubt not, sometimes, but you may steal; What then? Poor beast, you must live!
An odd ear in twenty-four sheaves Is a small request;
I will get a blessing with what is left, And never miss it.

Your small house, too, in ruin!

It's feeble walls the winds are scattering! And nothing now, to build a new one, Of coarse grass
green!

And bleak December's winds coming, Both bitter and keen!

You saw the fields laid bare and wasted, And weary winter coming fast,
And cozy here, beneath the blast, You thought to dwell,
Till crash! the cruel plough past Out through your cell.

That small bit heap of leaves and stubble, Has cost you many a weary nibble!
Now you are turned out, for all your trouble, Without house or holding,
To endure the winter's sleety dribble, And hoar-frost cold.

But Mouse, you are not alone, In proving foresight may be vain:
The best laid schemes of mice and men Go often askew,
And leaves us nothing but grief and pain, For promised joy!

Still you are blest, compared with me! The present only touches you:
But oh! I backward cast my eye, On prospects dreary!
And forward, though I cannot see, I guess and fear

Красная роза

Красная, красная роза
Моя любовь, как роза –
Июньская, прекрасная ;
Как сладкая мелодия,
Волнующая, страстная.

Сильней моей любви к тебе
Не будет никогда;
Она жива пока в морях
Не высохнет вода.

Пока не высохнут моря,
Любви продлится срок;
Люблю тебя, пока в морях
На дне лежит песок.

Я должен отправляться в путь,
Прости и не грусти;
Вернусь, хоть десять тысяч миль
Придётся мне пройти.
Robert Burns Red Red Rose
O, my love is like a red, red rose,
That's newly sprung in June.
O, my love is like a melody,
That's sweetly played in tune.

As fear art thou, my bonny lass,
So deep in love am I,
And I will love thee still, my dear,
Till all the seas go dry.

Till all the seas go dry, my dear,
And the rocks melt with the sun!
And I will love thee still, my dear,
While the sands of life shall run.

And fare thee well, my only love,
And fare thee well a while!
And I will come again, my love,
Through it were ten thousand mile!

1 Вариант

Любовь, как роза красная,
Что расцвела в саду;
Как сладкая мелодия,
Что гонит прочь беду.

Прекрасней моей девушки
Не будет никогда:
Люблю её пока в морях
Не высохнет вода.

Не смогут высохнуть моря,
Из скал не брызнет сок:
Люблю тебя, пусть жизнь моя
Струится, как песок.

Я должен отправляться в путь,
Спешу, за всё прости!
Вернусь, к тебе, хоть целый мир
Придётся обойти.

В горах моё сердце

Не здесь моё сердце, осталось в горах,
Гоняет оленей, не ведая страх;
Бежит за косулей по следу в снегах,
Куда б я ни шёл, моё сердце в горах.

Прощайте вершины и Север прощай,
Ты – родина Славы, Достоинства край;
Где б я ни скитался, где б я ни бродил
Везде и всегда только горы любил.

Прощайте вершины в коронах снегов,
Прощайте долины и склоны лугов;
Прощайте леса, диких трав аромат,
Прощайте ручьи и седой водопад.

Не здесь моё сердце, осталось в горах,
Гоняет оленей, не ведая страх;
Бежит за косулей по следу в снегах,
Куда б я ни шёл, моё сердце в горах.

My heart's in the Highlands, my heart is not here;
My heart's in the Highlands, a-chasing the deer;
A-chasing the wild deer, and following the roe,
My heart's in the Highlands wherever I go.

Farewell to the Highlands, farewell to the North,
The birth-place of valour, the country of worth;
Wherever I wander, wherever I rove,
The hills of the Highlands for ever I love.

Farewell to the mountains high cover'd with snow;
Farewell to the straths and green valleys below;
Farewell to the forests and wild-hanging woods;
Farewell to the torrents and loud-pouring floods:

My heart's in the Highlands, my heart is not here;
My heart's in the Highlands, a-chasing the deer;
A-chasing the wild deer, and following the roe,
My heart's in the Highlands wherever I go.

Босая девушка

Гулял вечернею порой,
Навстречу мне босая;
Служанка шла по мостовой
В кровь ноги разбивая.

Они прекрасны, нет вторых
Таких на белом свете,
Шелками бы украсить их,
И посадить в карету.

Льняные волосы ручьём
Струятся, с плеч сбегая,
Её глаза горят огнём
В шторм гибнуть не давая.

Она кротка, она мила,
Нет сдержанней, скромнее,
Судьба, спасибо, что свела
Меня сегодня с нею.
O Mally's Meek, Mally's Sweet

As I was walking up the street,
A barefoot maid I chanced to meet;
But O the road was very hard
For that fair maiden's tender feet.

It were mair meet that those fine feet
Were weel laced up in silken shoon,
And 'twere more fit that she should sit
Within yon chariot gilt aboon.

Her yellow hair, beyond compare,
Comes trinkling down her swan-like neck,
And her two eyes, like stars in skies,
Would keep a sinking ship frae wreck.

O Mally's meek, Mally's sweet,
Mally's modest and discreet,
Mally's rare, Mally's fair,
Mally's every way complete.

1795

О девушке, которая стелила мне постель

На север шёл своей тропой,
Январский ветер с ног сбивал,
Ночь ослепила чёрной тьмой,
Как до утра дожить не знал.

Блуждая, девушку догнал,
Продолжили мы вместе путь,
Она, увидев, что устал,
Мне предложила отдохнуть.

В уютном доме, став смелей,
Я стал её благодарить,
Учтиво поклонился ей,
Прося постель мне постелить.

Постель расправила она,
Пошире, сделав мне кровать,
Со мной пригубила вина
И пожелала крепко спать

Ушла, держа в руках свечу,
Чтобы я мог спокойно спать,
Не дав уйти, ей вслед кричу,
Прошу ещё подушку дать.

Передала подушку мне,
Её с почтением принял,
И молча, в полной тишине,
Ту девушку поцеловал.

Она сказала: – руки прочь,
Не нужно так себя вести;
Тебе нужна любовь на ночь -
Невинность у меня в чести!

Любуясь золотом кудрей,
Они вились, как дикий хмель,
Я утонул во тьме очей
У постелившей мне постель!

А грудь её была бела,
Казалось мне, что два стога
Январским снегом замела,
Пока мы к дому шли, пурга.

Её целуя вновь и вновь,

Между собою и стеной,
Я положил мою любовь,
Чтоб до утра была со мной.

Наутро встав, при свете дня,
Я стал её благодарить,
Сказав: – Сгубили вы меня –
Вздыхая, стала слёзы лить.

Они лились ручьями с гор,
Я говорил, целуя их:
– Моя родная, с этих пор
Постель ты стелешь для двоих-.

Взяла льняное полотно
И села шить рубашку мне.
Всегда счастливой быть должна
Та, что постель стелила мне!

Любимая стелила мне,
Любимая стелила мне!
Я не сумею разлюбить,
Ту, что постель стелила мне.
The Lass That Made The Bed Tae Me
When Januar' wind was blawin cauld,
As to the North I took my way,
The mirksome night did me enfauld,
I knew na where to lodge till day.

By my guid luck a maid I met
Just in the middle o' my care,
And kindly she did me invite
To walk into a chamber fair.

I bow'd fu' low unto this maid,
And thank'd her for her courtesie;
I bow'd fu' low unto this maid,
An' bade her mak a bed to me,

She made the bed baith larger and wide,
Wi' twa white hands she spread it down,
She put the cup to her rosy lips,
And drank : – ' Young man, now sleep ye soun'.'

She snatch'd the candle in her hand,
And frae my chamber went wi' speed,
But I call'd her quickly back again
To lay some mair below my head:

A cod she laid below my head,
And served me with due respect,
And, to salute her wi' a kiss,
I put my arms about her neck.

' Haud aff your hands, young man,' she said,
' And dinna sae uncivil be;
Gif ye hae onie love for me,
O, wrang na my virginity!'

Her hair was like the links o' gold,
Her teeth were like the ivory,
Her cheeks like lilies dipt in wine,
The lass that made the bed to me!

Her bosom was the driven snow,
Two drifted heaps sae fair to see;
Her limbs the polish'd marble stone,
The lass that made the bed to me!

I kiss'd her o'er and o'er again,
And ay she wist na what to say.
I laid her 'tween me an' the wa' -
The lassie thought na lang till day.

Upon the morrow, when we rise,
I thank'd her for her courtesy,
But ay she blush'd, and ay she sigh'd,
And said: - ' Alas, ye've ruin'd me!'

I clasp'd her waist, and kiss'd her cheek,
While the tear stood twinkling in her eye.
I said: - ' My lassie, dinna cry,
For ye ay shall make the bed to me.'

She took her mother's holland sheets,
An' made them a' in sarks to me.
Blythe and merry may she be,
The lass that made the bed to me!

The bonie lass made the bed to me,
The braw lass made the bed to me!
I'll ne'er forget till the day I die,
The lass that made the bed to me.

О песне дрозда

которую Роберт Бернс
слышал в день своего рождения -
на рассвете 25 января
Спой, милый дрозд, про летнее тепло,
Пой, птичка, поднимая настроенье,
И у зимы – старухи твоё пенье
Разгладило угрюмое чело.

И в бедности всегда в простых сердцах
Живёт неистребимое терпенье,
Не спрашивая быстрые мгновенья,
Что ждать от них: надежду, или страх.

Благодарю, стал песней поздравлять,
Когда восток украсило светило,
Такую радость подарить не в силах,
Богатство мне, не может и отнять.

Сын бедности, по нищете, брат мой,
Всем, что Бог даст, я поделюсь с тобой.
1 вариант
Спой, милый дрозд, про летнее тепло,
Пой, птичка, поднимая настроенье,
И у зимы – старухи твоё пенье
Разгладило угрюмое чело.

И в бедности всегда в простых сердцах
Живёт неугомонное терпенье,
Не спрашивая быстрые мгновенья,
Что принесли надежду, или страх.

Спасибо, что сумел меня поднять,
Когда восток украсило светило,
Такую радость подарить не в силах,
Богатство мне, не может и отнять.

Сын бедности, по нищете, брат мой,
Всем, что Бог даст, я поделюсь с тобой.

Sonnet on Hearing a Thrush Sing in a Morning Walk in January
written January 25, 1793, the birth-day of the author.

SING on, sweet Thrush, upon the leafless bough;
Sing on, sweet bird, I listen to thy strain:
See aged Winter, 'mid his surly reign,
At thy blythe carol clears his furrow'd brow.

So in lone Poverty's dominion drear
Sits meek Content with light unanxious heart,
Welcomes the rapid moments, bids them part,
Nor asks if they bring aught to hope or fear.

I thank thee, Author of this opening day!
Thou whose bright sun now gilds the orient skies!
Riches denied, thy boon was purer joys,
What wealth could never give nor take away!

Yet come, thou child of poverty and care;
The mite high Heaven bestow'd, that mite with thee I'll share.

1793

Благоразумие

Благоразумие пугало:

—Мир страшен, беды предрекало;-

Любовь, спасая, подарила крылья,

Парю над миром страха и бессилья.

Те, кто твердят, что неудачник, шут

Меня с пути насмешкой не собьют.

Страданья от несчастий и обид –

Легко любовь Кларинды возместит.

IN vain would Prudence, with decorous sneer,

Point out a cens'ring world, and bid me fear;

Above that world on wings of love I rise,

I know its worst-and can that worst despise.

'Wrong'd, injured, shunn'd, unpitied, unredrest,

The mock'd quotation of the scorner's jest-'

Let Prudence' direst bodements on me fall,

Clarinda, rich reward, o'erpays them all!

Поцелуй

Поцелуй – печать желанья,
Предвкушенье сладких нег,
Залог нового свиданья -
Чистый, девственный, как снег

Говорящее молчанье,
С ласки, снявшее запрет,
Нежность первого желанья,
Дня сияющий рассвет.

Радость встреч, печаль прощанья,
Губ касание весной,
Он замена слов признанья,
Когда искренен, как твой!
To a Kiss
Humid seal of soft affections,
Tend'rest pledge of future bliss,
Dearest tie of young connections,
Love's first snow-drop, virgin kiss.

Speaking silence, dumb confession,
Passion's birth, and infants' play,
Dove-like fondness, chaste concession,
Glowing dawn of brighter day.

Sorrowing joy, adieu's last action,
Ling'ring lips, – no more to join!
What words can ever speak affection
Thrilling and sincere as thine!

Горю, горю

Горю, горю, меня терзает жар,
Как ветром раздуваемый пожар.
Я, как в бреду, то проклиная час,
То славлю ночь, когда увидел вас.
Напрасно, как враги любви, законы
Стараются поставить ей препоны.
Священники, увидев нежный взгляд,
Смирившись, мне любить не запретят.
И совесть упрекает меня зря,
Любовь в сердцах бросает якоря.
Она и разум мой свергает с трона,
И водружает на себя корону:
Теперь все мысли только о тебе,
За это благодарен я судьбе.

Пусть небеса и смертные узнают:
Мою любовь и страх не убивает!
Клянусь, и нету этой клятвы строже,
Что ты души и жизни мне дороже!
Оригинал
'I BURN, I burn, as when thro' ripen'd corn
By driving winds the crackling flames are borne.'
Now raving-wild, I curse that fatal night;
Now bless the hour which charm'd my guilty sight.
In vain the laws their feeble force oppose:
Chain'd at his feet they groan, Love's vanquish'd foes;
In vain religion meets my sinking eye;
I dare not combat-but I turn and fly;
Conscience in vain upbraids th' unhallow'd fire;
Love grasps his scorpions-stifled they expire!
Reason drops headlong from his sacred throne,
Your dear idea reigns and reigns alone:
Each thought intoxicated homage yields,
And riots wanton in forbidden fields!

By all on high adoring mortals know!
By all the conscious villain fears below!
By your dear self!-the last great oath I swear;
Nor life nor soul were ever half so dear!

Джон Китс

(1795-1821) английский поэт-романтик

Родился в Лондоне в семье содержателя конюшни. Изучал медицину, но потом оставил её и занялся поэзией. В 1817 Китс издал первую книжку лирических стихов, а в следующем году – большую поэму «Эндимион». Недоброжелательные отзывы критики привели к депрессии. Нравственные волнения ускорили развитие чахотки – наследственной болезни в семье поэта. В 1818 его отправили в Южный Уэльс, где он немного окреп. В 1819 Ките влюбился в Фанни Браун. Она отказывалась выйти за него замуж, пока он не составит себе положения в обществе. Очень стеснённые обстоятельства сделали жизнь Китса крайне тяжёлой. Болезнь возобновилась. Китс медленно угасал. Поэт осознавал это и отражал в своих одах и стихотворениях настроение умирающей молодости и таинственную торжественность перехода в мир иной. В 1820 отплыл в Италию, поправить здоровье, болезнь оказалась сильнее. Скончался в Риме в 1821 году.

О море

Вокруг не затихает вечный шёпот,
Могучей зыбью берега ласкает,
Взроптав, без счёта гроты заполняет,
Пока Геката не умерит ропот.

Бывает кротким, бег волны стреножив,
Оно уснёт, намаявшись от бурь,
И ракушку, пока тиха лазурь,
Там, где оставил шторм, не потревожит.

О, вы! Чьи взгляды рощи не влекут,
Стремитесь ими в даль морских угодий,
И вы, чьи уши жаждут тишины,
Пресыщенные звуками мелодий,
Присядьте у бездонной глубины
И ждите, когда Нимфы запоют!
On The Sea
It keeps eternal whispering aroun
Desolate shores, and with its mighty swell
Gluts twice ten thousand Caverns, till the spell
Of Hacate leaves them their old sound.

Often 'tis in such gentle temper found,
That scarcely will the very smallest shell
Be mov'd for days from where it sometime fell,
When last the winds of Heaven were unbound.

O ye! who have your eye-balls vax'd and tir'd ,
Feast them upon the wideness of the Sea;
O ye! whose ears are dinn'd with uproar rude,
Or fed too much with cloying melody –
Sit ye near some old Cavern's Mouth, and brood
Until ye start, as if the sea-nymphs quire'd!

Первый вариант
Воркует от восхода до заката,
Но дважды в день прибой летит в карьер,
Спешит заполнить тысячи пещер
Во тьме которых царствует Геката.

Бывает час, когда волну стреножив,
Оно, в шторма намаявшись, уснёт,
Зеркальна гладь, пока не отдохнёт
И ракушку в песке не потревожит.

О, вы, чьи взгляды больше не влекут,
Бескрайние поля земных угодий,

И вы, чьи уши жаждут тишины,
Пресыщенные звуками мелодий,
Присядьте у бездонной глубины
И ждите, когда Нимфы запоют!

Женщине

1 сонет

О, женщина, люблюсь я тобой:
Ребячливою, гордой, своенравной;
Когда, взор опустив, походкой плавной
Идёшь, раскаявшись, врачуя добротой,
От боли, что наносишь красотой.
Тогда мой дух от радости гарцует,
Тогда душа ликует и танцует,
Чтобы любить весь век, забыв покой.

Увижу кроткой, нежной буду рад,
Боготворить, о небеса! Такою.
Готов стать Калидором, как Леандр
Спешить к тебе, борясь с ночной волною.
Как рыцари Креста, не жду наград,
Чтоб, как они, любимым быть тобою.

1-й сонет

Woman! when I behold thee flippant, vain,
Inconstant, childish, proud, and full of fancies;
Without that modest softening that enhances
The downcast eye, repentant of the pain
That its mild light creates to heal again:
E'en then, elate, my spirit leaps, and prances,
E'en then my soul with exultation dances
For that to love, so long, I've dormant lain:

But when I see thee meek, and kind, and tender,
Heavens! how desperately do I adore
Thy winning graces; – to be thy defender
I hotly burn – to be a Calidore -
A very Red Cross Knight – a stout Leander -
Might I be loved by thee like these of yore.

1й вариант

О, женщина, приму тебя любой;
Предстанешь легкомысленной, тщеславной,
Непостоянной, гордой, своенравной –
Я буду восхищаться и такой!

Увижу, что идёшь, потупив взор,
При этом, рая и врачуя взглядом,
На душу радость хлынет водопадом,
А в сердце запоёт небесный хор.

Когда и добр, и нежен кроткий взгляд,
Тогда моя душа в преддверьях рая;
Как Колидор не буду знать преград,

Плыть, как Леандр, с ночной волной играя,
Согласен умереть сто раз подряд,
Твою любовь, в сраженьях добывая.

2 сонет

Легки ступни, зрачки, как бирюза;
Нежна рука, белы и грудь, и шея.
Хочу понять, что мне всего милее,
Смотрю, и разбегаются глаза.
Картины те прекраснее цветка,
Достойны и любви, и восхищенья,
Хотя, порой, рождаются сомненья
От мысли: Добродетель – так редка.

Как птичка, мысль гоню, хочу забыть,
Перед обедом в горле вечно сухо,
Стараюсь нёбо трижды увлажнить.
Голодная акула тешит брюхо,
А я, спешу твой голос уловить
На звук его, настраивая ухо.

2 й сонет

Light feet, dark violet eyes, and parted hair;
Soft dimpled hands, white neck, and creamy breast,
Are things on which the dazzled senses rest
Till the fond, fixed eyes forget they stare.
From such fine pictures, heavens! I cannot dare
To turn my admiration, though unpossess'd
They be of what is worthy, – though not drest
In lovely modesty, and virtues rare.

Yet these I leave as thoughtless as a lark;
These lures I straight forget, – e'en ere I dine,
Or thrice my palate moisten: but when I mark
Such charms with mild intelligences shine,
My ear is open like a greedy shark,
To catch the tunings of a voice divine.

1й вариант

Белы, как сливки, руки, грудь и шея,
Легка нога, зрачки, как бирюза,
Смотрю, и разбегаются глаза,
Я не пойму, что мне всего милее.

Исчезнешь с глаз, и облик твой бледнеет,
А восхищенье вянет, как цветы;
Тускнеет обаянье красоты -
Хранить их вечно память не умеет.

И только голос твой всегда со мной,
Его мелодия мне услаждает уши;

Голодную акулою морской,
Я с жадностью настраиваю душу
В разлуке на одну волну с тобой,
Чтоб отыскать на море, и на суше.

3 сонет

Прекрасную, кто сможет позабыть ?
Кто от сладчайшей отказаться смеет?
Она, как снежно – белый агнец блеет,
И молит честь, невинной, защитить.

Всевидящий, ты ждёшь ли нас с дарами?
Не дай невинность подлю погубить,
Обманом девственную грудь пронзить,
Убив её жестокими руками.

От мыслей о красе спасенья нету,
Вот вижу осязаемой, босой,
Она идёт к беседке, в час рассвета;
Цветы срывает нежною рукой,
В глаза мне, брызгая при этом,
Дрожащую серебряной росой.

3 сонет

Ah! who can e'er forget so fair a being?
Who can forget her half retiring sweets?
God! she is like a milk-white lamb that bleats
For man's protection. Surely the All-seeing,
Who joys to see us with his gifts agreeing,
Will never give him pinions, who intreats
Such innocence to ruin, – who vilely cheats
A dove-like bosom. In truth there is no freeing
One's thoughts from such a beauty; when I hear
A lay that once I saw her hand awake,
Her form seems floating palpable, and near;
Had I e'er seen her from an arbour take
A dewy flower, oft would that hand appear,
And o'er my eyes the trembling moisture shake.

1й вариант

Как на такую кротость посягнуть?
Кто погубить чистейшую посмеет?
Прося защиты, белый агнец блеет,
Не дай, невинность, подлю обмануть.

Всевидящий, ты видишь, что влечёт,
Как муху мёд, она прелюбодея,
Не дай свершиться замыслам злодея,
Пусть девственность, лаская взгляд, цветёт.

Как белая голубка её грудь,

Трепещет, когда рук хочу коснуться;
Когда в глаза пытаюсь заглянуть
Торопится, смутившись, отвернуться;
Пригрезится, боюсь мой сон спугнуть
И со слезами на глазах проснуться.

Ода осени

Сезон туманов и плодоношенья
Советуется с солнцем и землёй;
С согласия их даёт благословенье
Кистям лозы, ползущей вверх змеей;
Плодами ветви яблонь гнёт к земле,
Орех и тыкву наполняя соком,
Даёт два дня понежиться в тепле;
Цветению лугов, продляя сроки,
Нектаром продолжает пчёл кормить;
Пусть думают, что лето длится год,
В ячейки сот, вливая сладкий мёд.
Кто не видал тебя идущей в склад?
Вот отдыхаешь на полу амбара,
Лаская твою шею, ветер рад
Волос коснуться с лихостью гусара;
Храпишь на недожатой борозде,
Колышутся нескошенные маки,
Но скоро будут срезаны везде,
Твой серп лежит готовый для атаки;
Вот смело речку переходишь вброд,
Часами смотришь, прибавляя гнёт,
Как из даильни терпкий сок течёт.
Где песни дней весны? Ах, где они?
Забудь о них, есть музыка другая,
Она звучит, когда уходят дни,
Поля румянцем неба украшая;
В печальном хоре комары грустят,
Там, где у речки листья ив желтеют,
Потом за ветром умирать летят;
Ягнята за холмами громко блеют,
Кузнечики стрекочут, реполов
Порой дискантом крикнет из садов,
А ласточки поют и в небе реют.

To Autumn

SEASON of mists and mellow fruitfulness,
Close bosom-friend of the maturing sun;
Conspiring with him how to load and bless
With fruit the vines that round the thatch-eaves run;
To bend with apples the moss'd cottage-trees,
And fill all fruit with ripeness to the core;
To swell the gourd, and plump the hazel shells
With a sweet kernel; to set budding more,
And still more, later flowers for the bees,
Until they think warm days will never cease,
For Summer has o'er-brimm'd their clammy cells.

Who hath not seen thee oft amid thy store?
Sometimes whoever seeks abroad may find
Thee sitting careless on a granary floor,
Thy hair soft-lifted by the winnowing wind;
Or on a half-reap'd furrow sound asleep,
Drows'd with the fume of poppies, while thy hook
Spares the next swath and all its twined flowers:
And sometimes like a gleaner thou dost keep
Steady thy laden head across a brook;
Or by a cyder-press, with patient look,
Thou watchest the last oozy hours by hours.

Where are the songs of Spring? Ay, where are they?
Think not of them, thou hast thy music too,
While barred clouds bloom the soft-dying day,
And touch the stubble plains with rosy hue;
Then in a wailful choir the small gnats mourn
Among the river shallows, borne aloft
Or sinking as the light wind lives or dies;
And full-grown lambs loud bleat from hilly bourn;
Hedge-crickets sing; and now with treble soft
The red-breast whistles from a garden-croft;
And gathering swallows twitter in the skies.

1й вариант

Сезон туманов и плодоношенья
Друг солнце разговор ведёт с тобой;
По сговору, даёт благословенье
Кистям лозы, ползущей вверх, змеей;
Плодами ветви яблонь гнёт к земле,
Орех и тыкву наполняя соком,
Даёт два дня понежиться в тепле;
Цветению лугов продляет сроки,
Чтоб продолжать нектаром пчёл кормить;
Пусть думают, что лето длится год,
В ячейки сот, вливая сладкий мёд.

Кто не видал тебя идущей в склад?
Вот отдыхаешь на полу амбара,
Лаская твою шею, ветер рад
Волос коснуться с лихостью гусара;
Храпишь на недожатой борозде,
Колышутся нескошенные маки,
Но скоро будут срезаны везде,
Твой серп лежит готовый для атаки;
Вот смело речку переходишь вброд,
Часами смотришь, прибавляя гнёт,
Как из даильни терпкий сок течёт.

Где песни дней весны? Ах, где они?

Забудь о них, есть музыка другая,
Она звучит, когда уходят дни,
Поля румянцем неба украшая;
В печальном хоре комары грустят,
Там, где у речки листья ив желтеют,
Потом за ветром умирать летят;
Ягнята за холмами громко блеют,
Кузнечики стрекочут, реполов
Порой дискантом крикнет из садов,
А ласточки поют и в небе реют.

К миру

О Мир! Присутствием благослови
Жилища островного государства;
Смягчая нрав, раздор останови,
Улыбку возврати в тройное царство.

Я радостно приветствую тебя
И спутников, что ждут неутомимо;
Желание исполни, нас любя,
Пусть будет нимфа Гор твоей любимой.

Как Англии Европе заяви:
– Рви цепи, и свободною живи;
Избавившись от царства тирании,
Своим царям закон установи;
Закончив с прошлым ужасом борьбу,
Приобретёшь счастливую судьбу!
On peace
O Peace! And dost thou with thy presence bless
The dwelling of this war-surrounded Isle;
Soothing with placid brow our late distress,
Making the triple kingdom brightly smile?

Joyful I hail thy presence; and I hail
The sweet companions that await on thee;
Complete my joy – let not my first wish fail,
Let the sweet mountain nymph thy favorite be,

With England's happiness proclaim Europa's liberty.
O Europe! Let not sceptred tyrants see
That thou must shelter in thy former state;
Keep thy chains burst, and boldly say thou are free;
Give thy kings law – leave not uncurbed the great;
So with the horrors past thou'lt win thy happier fate!

1й вариант

О Мир! Приди и нас благослови,
Война раздор оставила в наследство;
Смягчая нрав, вражду останови,
Верни опять улыбку королевству.

Восторженно приветствую тебя
И всех друзей, что ждут меня в разлуке;
Верни нам радость, мы живём скорбя,
Пусть нимфа Гор соединит нам руки.

Как Англии Европе заяви:
– Рви цепи, и свободною живи,

Избавившись от царства тирании.
Законом королей останови,
Пусть знают – ужас в прошлом, что впервые
Европе даришь годы золотые.

Кузнечик и сверчок

Поэзия земли не умирает:
Когда, сомлев, умолкнут птицы в зной,
Найдя и тень, и отдых под листвою,
Треск, в скошенной траве, не замолкает.

Кузнечик пляшет, пьяный от веселья,
С восторгом славит лето и жару,
Бездельнику их роскошь по нутру,
В траве уснёт, свалившись с ног, от пенья.

Поэзия земли не умолкает,
Ни летом, ни морозною зимой -
С прокованной морозом тишиной;
Сверчок поёт, жар печки вдохновляет.
В дремоте, нам мерещится порой,
Что вновь поёт кузнечик в летний зной.
THE GRASSHOPPER AND CRICKET

The poetry of earth is never dead:
When all the birds are faint with the hot sun,
And hide in cooling trees, a voice will run
From hedge to hedge about the new-mown mead;
That is the Grasshopper's – he takes the lead
In summer luxury, – he has never done
With his delights; for when tired out with fun
He rests at ease beneath some pleasant weed.

The poetry of earth is ceasing never;
On a lone winter evening, when the frost
Has wrought a silence, from the stove there shrills
The Cricket's song, in warmth increasing ever,
And seems to one, in drowsiness half lost,
The Grasshopper's among some grassy hills.

Подстрочник

Поэзия Земли никогда не умирает:
Когда все птицы падают в обморок от жаркого солнца,
И прячутся в тени деревьев, голос бежит
От изгороди к изгороди около свежескошенного меда;
Это Кузнечик – он берет на себя инициативу.
Летом роскошь, – он никогда этого не делал
С его прелестями; ибо когда устанешь от веселья
Он спокойно отдыхает под какой-нибудь травой.

Поэзия Земли никогда не прекращается;
В одинокий зимний вечер, когда мороз
Наступила тишина, из печки раздаются пронзительные крики

Песня сверчка, в тепле все усиливающаяся,
И кажется одному, в дремоте наполовину спящему, что это
Кузнечик среди каких-то травянистых холмов.

1й вариант

Поэзия земли не умирает:
Когда все птицы умолкают в зной
Найдя и тень, и отдых под листвой,
Треск, в скошенной траве, не замолкает.

Кузнечик пляшет, пьяный от веселья,
С восторгом славит лето и жару,
Ему и корм, и солнце по нутру,
Поёт, пока не станет луг постелью.

Поэзия земли не умолкает,
Ни летом, ни заснеженной зимой
С прокованной морозом тишиной;
Сверчок поёт, усталости не знает,
Печь топится и кажется порой,
Что вновь поёт кузнечик в летний зной.

Времена года и человека

Из четырёх сезонов каждый год,
И в жизни их четыре, без сомненья:
Роскошная весна – душа цветёт,
Вбирает красоту воображенье;

А летом пьёт, смакуя, вешний мёд
И до небес возносится мечтами,
Слабеют крылья, всё трудней полёт,
Приходится прощаться с небесами.

Для человека осень настаёт:
Душа желает тихого залива,
Не замечая красоту, идёт,
Покоем своей праздности счастлива.
В снегах зимы последний наш привал -
Никто бессмертным, постарев, не стал.
The human seasons
Four Seasons fill the measure of year;
There are four seasons in the mind of man:
He has his lusty Spring, when fancy clear
Takes in all beauty with an easy span:

He has his Summer, when luxuriously
Spring's honied cud of youthful thought he loves
To ruminate, and by such dreaming high
Is nearest unto heaven: quiet coves

His soul has in its Autumn, when his wings
He furlth close; contented so to look
On mists in idleness – to let fair things
Pass by unheeded as a threshold brook.
He has his Winter too of pale misfeature,
Or else would forego his mortal nature.

1 вариант

Из четырёх сезонов каждый год,
И в жизни их четыре без сомненья:
Роскошная весна – душа цветёт,
Вбирает красоту воображенье;

А летом пьёт, смакуя, вешний мёд
И до небес возносится мечтами,
Слабеют крылья, всё трудней полёт,
Приходится прощаться с небесами.

Для человека осень настаёт:
Душа желает тихого залива,

Как ручеёк не торопясь течёт,
Покоем созерцания счастлива.
В снегах зимы последний наш привал -
Никто от доли смертных не сбежал.

Современная любовь

Что есть любовь? Наряженная кукла
Для баловства, в дни праздного безделья;
Ей имена прекрасные давая,
Наивный юноша до божества
Её возносит, объявив тиарой
Гребёнку дамы, лето напролёт
Проводит в играх, ослепив себя;
Воображает сапоги Ромео
И Клеопатру из квартиры семь,
Антоний проживает в Брунsvик – сквере.
Те страсти, что когда то грели мир,
В сердцах цариц и воинов пылая,
Не повод для страданий и мучений;
В сравненье с ними ваши – сорняки.
Глупцы, вот если сможете вернуть
Жемчужину египетской царицы,
Тогда скажу, что можете любить.
Modern love
AND what is love? It is a doll dress'd up
For idleness to cosset, nurse, and dandle;
A thing of soft misnomers, so divine
That silly youth doth think to make itself
Divine by loving, and so goes on
Yawning and doting a whole summer long,
Till Miss's comb is made a pearl tiara,
And common Wellingtons turn Romeo boots;
Then Cleopatra lives at number seven,
And Antony resides in Brunswick Square.
Fools! if some passions high have warm'd the world,
If Queens and Soldiers have play'd deep for hearts,
It is no reason why such agonies
Should be more common than the growth of weeds.
Fools! make me whole again that weighty pearl
The Queen of Egypt melted, and I'll say
That ye may love in spite of beaver hats.
Подстрочник
А что такое любовь? Это кукла наряженная
Для безделья, чтобы ласкать, медсестра, и dandle;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.